

Э.Ф. Шафранская

Внеклассное чтение: роман Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы»

В статье рассматривается роман Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы», рекомендуемый для изучения на уроках внеклассного чтения в 10–11-х классах средней школы. Анализируется заглавие романа, прослеживаются темы таланта, города-вавиллона, карнавальной культуры.

Ключевые слова: заглавие; талант; город; карнавал.

В «Примерной основной образовательной программе среднего общего образования»¹ (2016), одобренной решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию, целью учебного предмета «Литература» названо формирование культуры читательского восприятия и достижение читательской самостоятельности обучающихся, основанных на навыках анализа и интерпретации литературных текстов. Одна из задач учебного предмета «Литература» — овладение навыком анализа текста художественного произведения. Анализ, помимо прочего, включает в себя умение выделять основные темы произведения, определять его проблематику, место, время и способ изображения действия, сопоставлять прямой и переносный планы текста, умение видеть подтексты. Согласно списку С для внеклассного чтения учащимся 10–11-х классов предлагается ознакомиться с романом Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы» (2006). Сделанные в настоящей статье аналитические акценты помогут учителю-словеснику организовать работу над произведением.

Заглавие романа отсылает к английской песне 1930-х гг. «On the Sunny Side of the Street». Аутентичный англоязычный вариант песни² был популярен среди советских меломанов 1930–1950-х гг.³ А в заглавии романа о Ташкенте увековечен русский перевод песни «На солнечной стороне улицы». Вера Щеглова, героиня романа, в детстве слышит эту песню и, не понимая слов, чувствует ее настроение: «Низкий мужской голос напевал-проговаривал беззаботную песню, и целая картина возникала от слияния его хрипловатого тембра, ритмично раскованной музыки и незнакомых слов чужого языка...»

¹ Примерная основная образовательная программа среднего общего образования. 2016. URL: <http://fgosreestr.ru/wp-content/uploads/2015/07/Primernaya-osnovnaya-obrazovatel'naya-programma-srednego-obshhego-obrazovaniya.pdf>.

² Музыка Дж. Макхью, стихи Д. Филдс.

³ Г. Винокурова и Г. Вайнштейн — авторы перевода, сделанного в 1999 г.

[4: с. 273]. Повзрослев и уже находясь далеко от той *солнечной стороны улицы*, она вновь слышит ту песню — «только сейчас Вера понимала — *про что она...*» [4: с. 403].

Выражение *солнечная сторона улицы*, став заглавием романа Рубиной, уже давно опознается как прецедентное в русской литературе о Ташкенте. Так, в повести А.И. Солженицына «Раковый корпус» топоним Ташкент не назван ни разу. Тем не менее *солнечная сторона улицы*, наряду с другими приметам топоса, ассоциируется с Ташкентом: «Олег <Костоготов> шел *по солнечной стороне* около площади, шурился и улыбался солнцу» [6: с. 380]. Да и сама англоязычная песня созвучна тому этапу в жизни героя Солженицына, когда он вдруг ощутил новое рождение.

Роман «На солнечной стороне улицы» раскрывает множество тем: художник и власть, художник и время, гений и злодейство, эвакуация 1940-х годов, любовь, дружба и предательство, искусство и псевдоискусство, дом и бездомье, город. Остановимся на некоторых темах.

Практически во всех произведениях Д. Рубиной встречается *персонаж, так или иначе связанный с творчеством*: художник, артист, писатель, скульптор, режиссер — собственно творец, или же персонаж, страдающий от творческой несостоятельности, или обывательски ориентированный на «художество», не будучи способным к творчеству. Тема творческой личности, таким образом, одна из главных в прозе Рубиной, а в метатексте присутствует *главный творец*, заведующий «небесным путевым ведомством» [4: с. 72]. Мифологема взаимоотношений творческой личности со временем (с властью, модой, толпой) — одна на все времена. Истинному художнику важнее всего: счастья, семьи, уюта, покоя — извечных субстанций блага — возможность отдалиться своему ремеслу без остатка. «...Зависимость художников от дворцов, похоже, остается все той же, вне связи от смены империй и валют...» [4: с. 371].

Искусство в художественном мире Рубиной — высшая ценность. У всех «меченных» талантом персонажей сложная судьба, странная, ненормальная — с точки зрения обыденности. Скульптор Анна Борисовна из повести «На Верхней Масловке» прожила длинную творческую жизнь, но не сумела построить отношений с родными. Петр из той же повести — одинокий и бездомный, бездейтельностью похоронивший свой талант. Люсио из повести «Последний кабан из лесов Понтеведра» — талантливый шут с несчастной личной жизнью. Преподаватель Гольдрей из романа «На солнечной стороне улицы» был «человеком ядовитым и одиноким» [4: с. 70]. Еще в юности начинающую художницу Веру Щеглову предупредили: «привыкай к одиночеству. Это надолго, на всю жизнь. <...> Потому что, как всякий художник, ты будешь невыносима. Ты и так не сахар, а будет и хуже. Профессия эта не галантная...» [4: с. 65]. Вера слыла неприветливой, «неулыбой», «волчонком», потому что привычные этикетные мины и реверансы не даны ей автором не только по причине воспитания или его отсутствия, для них нет места в парадигме таланта, а все, что есть, направлено в одну сторону — творчества.

Художник доверяет в жизни (а жизнь для него — ремесло) не обывательской мудрости, а своим пальцам, глазам. Вера Щеглова «и потом будет так же вынашивать картины — сначала бесцельно кружа по дому, машинально касаясь рукой предметов, пробуя поверхность на ощупь, словно бы знакомясь с неведомым веществом мира, незнакомым составом глины... Наконец ложилась, заваливалась, как медведь в берлогу, закукливалась, как бабочка в коконе» [4: с. 60].

«...Не очень-то у тебя чистая работа...» [4: с. 63], — говорит ей мать, тоже талантливая, но по-иному. Ее называли артисткой, Катькой-артисткой. У нее был талант перевоплощения: прикидывалась, представлялась, страдала, когда рядом был зритель. На базарной толкучке Катька разыгрывает горе, продавая якобы семейную реликвию, надувая публику. Но она не притворялась — она верила в свою роль; мысленно представляя маму, их квартиру, «она вдохновенно плакала настоящими слезами о своей судьбе только здесь, *работая*. Никогда — наедине с собой» [4: с. 104]. Талантливая в своем преступном ремесле, Катька была бездарна в реальной жизни, став врагом своей дочери, убийцей своего сожителя, да и не только его.

Рубина наделяет талантом *особенных* людей, *обреченных быть другими*, не такими, как их окружение. «...Жалкое существо, угнетенное служением прекрасному искусству, будь оно проклято...» [4: с. 198], — сказано о Вере Щегловой, alter ego автора. Эти слова звучат как приговор, выносимый Рубиной любой творческой личности, обреченной, а потому счастливой — по иной, неземной шкале ценностей.

Цикл романов Рубиной о творчестве («Почерк Леонардо», «Синдром Петрушки», «Белая голубка Кордовы») *предлагает разные грани «злодейства»* в сочетании с талантом, высокими и низменными чувствами и страстями.

В романе «На солнечной стороне улицы» воссоздан город Ташкент периода Великой Отечественной войны (помимо прочих временных промежутков), эвакуации со всех концов страны, когда в город прибыли не только бездомные и голодные, но и рафинированная публика: писатели с семьями, ученые, артисты. Город был превращен в спасительный локус. Здесь находят приют Анна Ахматова; Н.Я. Мандельштам и Е.С. Булгакова, вдовы знаменитых писательниц; С. Михоэлс, Н. Погодин, И. Уткин; ученые-литературоведы В.М. Жирмунский, В.Ф. Шишмарев, Б.С. Мейлах, Е.М. Мелетинский, И.З. Серман и др.

Начиная с XIX в. Ташкент в русской культуре отмечен как *город хлебный* — так называется повесть Александра Неверова (1921), в которой описано путешествие подростков в Ташкент за хлебом: «Вышел на улицу Мишка, мужики Ташкент поминают. Хлеб очень дешевый там, только добраться трудно» [2: с. 177]. Все на один лад говорят о невысоких ценах, о райской ташкентской жизни — Мишка уже представлял себя в этой сказке: виноградные сады, набитые уроком карманы. О том же вспоминает Е.М. Мелетинский (впоследствии выдающийся литературовед), оказавшийся во время войны

в Ташкенте: «Цветущая земля... обеспечивала и несколько большую сытость по сравнению с большинством других мест. В городе было пять или шесть богатых и пестрых восточных базаров, где можно было за деньги купить все, начиная с бесконечных и разнообразных ароматных овощей и фруктов, всевозможных окороков, плова, баранины вплоть до засекреченных билетов, заготовленных для школьных экзаменов. Фрукты в сезон стоили дешево и очень нас поддерживали» [1: с. 512].

Эта грань Ташкента — спасительная — одна из главных в романе Д. Рубиной. Город изображен как Вавилон, культуру которого отличало смешение языков, обрядов, ментальностей. Рассказчица ностальгирует по этому городу, как по затонувшей Атлантиде. Ушедший Ташкент воспроизведен памятью не только автора, но и бывших жителей города, как субъективированных, так и существующих в рубинском повествовании в виде безымянных голосов, — некоего фольклорного автора⁴. Этот хор представлен в романе разными «этносомами, нациями и народностями» [4: с. 336], что давало, по словам рассказчицы, знание о том, что люди могут быть *другими*, однако надо уметь *сосуществовать* — на этом и стоит жизнь [4: с. 336]. В другом произведении Рубиной рассказчица говорит о своем школьном классе, который был «ковчегообразен...» [5: с. 145].

В изображении ташкентского Вавилона автор не придерживается строгой хронологии — она для автора не важна. «...Не существует хронологии в том океане, куда навеки погружаются города...» [4: с. 228], — заключает рассказчица. Повествование представлено в виде фольклорного дискурса, который напоминает альбом с фотографиями. Стопками сложены снимки разных лет: это и до боли знакомые лица, и давно забытые, с трудом вспоминаемые. На «фотографиях» Вавилона запечатлен Ташкент, переживший экстремальные вехи империи: тридцатые годы, военная и послевоенная пора, всесоюзная стройка после землетрясения 1966 г.

В самом символе «Вавилон» присутствует смысл разрушения, в контексте романа — грядущего исхода: поначалу город был наводнен странными пришельцами: нищими доходагами-дворянами, белогвардейскими китайцами, отсидевшими в лагерях профессорами [4: с. 365–366]; потом город начал пустеть [4: с. 356] — вавилонообразный город шел к своему финалу. «...Особо-то слезы лить по нашей рухнувшей вавилонской башне смысла я не вижу» [4: с. 362], — итожит рассказчица.

Тоска по родному городу, по дому — свойство иммигрантского дискурса, утверждают исследователи устных нарративов; город, идеализированный в сознании, ассоциируется с царством мертвых [8: с. 309]. Поэтому в структуре романа значима категория времени: был город — не стало города — основной

⁴ Современная фольклористика рассматривает фольклор не только как явление коллективной культуры. Фольклорный дискурс обнаруживается в границах микрокоммуникативного или персонального дискурса [7: с. 60]. Фольклор может носить характер индивидуального нарратива, связанного с событием, местом, к которым имеют отношение многие люди.

мотив романа «На солнечной стороне улицы». В интервью по выходе книги Дина Рубина сказала: «...если бросить взгляд назад, в века, то в глазах замельтешит от смены империй, народов, границ... кто может предсказать, сколько просуществует та или иная страна, народ? Об этом ведь, собственно, и написан мой роман» [9].

Топоним *Ташкент* в переводе означает «каменный город»: было время разбрасывания камней, настало время их собирания — основной посыл произведения. Прошедшее время Ташкента метафоризировано в романе «колодец памяти» [4: с. 310], «компостом памяти» [4: с. 285]. В этих метафорах заложены интенции: не только оплакать город, которого нет, но и создать языком литературы и фольклора прецедент запоминания, нарисовать историко-культурный этюд своеобразной цивилизации, специфического этноса — процветавшего и вдруг исчезнувшего. Почему? Ответ на этот вопрос не в компетенции литературы, писателя, эта область — «таинственный лес человеческой памяти» [4: с. 321].

Память рассказчицы воспроизводит картину города-карнавала. Автор повествования — участница этого травестированного действия: «...с детства я рассматриваю жизнь как вереницу неких сцен. И поскольку в сценах приходится принимать участие, я одновременно становлюсь и зрителем, то есть наблюдаю развитие действия таким, каким мне его предлагают автор пьесы и актеры» [4: с. 204]. Без клоунов и монстров карнавал немислим — ими населен рубинский Ташкент: трансвестит Маруся, шлимазл Роберто Фрунсо, стилиста Хасик Коган, баскетболистка-великанша — все они стекаются в эпицентр рубинского карнавала — Сквер революции, гений места Ташкента. Здесь сфокусированы этапы исторического карнавала: первоначальная фигура первого генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана сменяется фигурами Ленина, Сталина, Маркса и промежуточными пропагандистскими бесперсональными изображениями, уступив, наконец, место нынешней фигуре, Амиру Темуру, — карнавальные «одежды», по сообщению старожилов города, сменяются быстро, главное — успеть влиться в праздник и озадачить метаморфозой. Городу-карнавалу ничего не стоит превратить милиционера, литературного персонажа, в свободную женщину Востока; ее же, жившую прежде по законам шариата, сделать секретарем партиячейки; бабушку — травестировать в аксакала [3: с. 260]. «...Дядь Миш, но ведь Мао Цзе-дун — наш друг? Он страдальчески морщится: Ну... да, Веруня... это — для школы... Но, конечно же, — нет, Веруня... какой он тебе друг? Бандит, негодяй, узурпатор...» [4: с. 262] — такая «дорожная карта» карнавала, срежиссированная в романе Рубиной, — свойство советской мифологии повседневности вообще.

«Обнимитесь, миллионы!» — так названа одна из картин Веры Щегловой. В контексте романа название читается как призыв ко всем жившим и не жившим в Ташкенте, простым обывателям и наделенным властью, идолам и их прототипам — реальным людям, тотемизированным историей. Это — антилозунг, ответ официозу, любому, всех времен. Картина «Обнимитесь, миллионы!» — апофеоз Вериного творчества, в названии закодирована авторская

позиция, чувство к своим бывшим и нынешним соплеменникам (не случайно Вера не желает комментировать так и непонятое окружающими название), к Ташкенту, который рассеялся по миру, но бесконечно притягивает к себе живших в нем.

«Я шла, и все было по пути, все кстати, все двигалось со мною, вдоль и обочь меня, словно я стала осью, вокруг которой нарастал мой собственный, давно утонувший, город. Он собирался, восстанавливался, восставал из выцветших картинок моей безалаберной памяти, как восстанут в будущем мертвые из маленькой, но нетленной косточки» [4: с. 428].

И они, герои романа, восстали: и Миша-бедоносец, и Стасик-кентавр, и Лагманщик на Алайском, и острословы в чайхане — и весь затонувший город, благодаря мессианской сути творчества: художнического и писательского ремесла.

Названия картин героини-художницы Веры Щегловой феноменальны тем, что в них словами-сигналами представлена вся история города, периода расцвета и заката. В них зафиксированы самые яркие и значимые локусы города, местный гастрономический артефакт, жизнь базара, ташкентские бедолаги — наследие ссыльного статуса имперского Ташкента, городские сумасшедшие, уход близких, полиэтничность и исход — другие берега: «Сквер революции», «Купальщицы на Комсомольском озере», «Лагманщик с Алайского базара», «Аския», «Илья Иванович гадает», «Диссидент Роберто Фрунсо вручает красного петуха Барри Голдуотеру», «Танцы в ОДО», «Житие святого Миши-бедоносца», «Убегающий узник», «Умелец Саркисян», «Решение», «Сеанс черного стриптиза в Милуоки».

Тема присутствия художника на улицах города, в толпе, в водовороте мегаполиса, по мнению исследователя «искусства города» Д. Фрисби, уникальна в художественном пространстве: «Лихорадочной рукой, на бесчисленных холстах размером с фрески мы должны запечатлевать все эти восхитительные и любопытные вещи...» (Людвиг Мейднер) [11: с. 255].

Таким образом, выделяя основные темы произведения, его сюжетное и композиционное своеобразие, место и время действия, обучающиеся овладевают навыками аналитического прочтения романа. Более того, они учатся определять ту тему, которая затронула их больше всего, и обосновывать свое мнение. Так формируются *компетенции* обучающихся в области *владения мыслью* и словом (см.: [10: с. 83]). Помимо собственно знакомства с произведением современной литературы, встреча с романом «На солнечной стороне улицы» содержит побудительные метапредметные векторы: увидеть историю XX в. глазами писателя — очевидца и хроникера; познакомиться с культурой многоэтнической страны.

Библиографический список

Источники

1. Мелетинский Е.М. Избр. ст. Воспоминания / отв. ред. Е.С. Новик. М.: РГГУ, 1998. 576 с.
2. Неверов А.С. Ташкент — город хлебный // Неверов А.С. Ташкент — город хлебный. Гуси-лебеди: рассказы, повести, роман. М.: Правда, 1989. С. 177–286.
3. Рубина Д.И. Камера наезжает!.. // Рубина Д.И. Последний кабан из лесов Понтеведра: роман, повесть. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 219–316.
4. Рубина Д.И. На солнечной стороне улицы: роман. М.: Эксмо, 2006. 432 с.
5. Рубина Д.И. Чем бы заняться? Сб. рассказов. СПб.: Ретро, 2002. 273 с.
6. Солженицын А.И. Раковый корпус: повесть // Солженицын А.И. Малое собр. соч.: в 7 т. Т. 4. М.: ИНКОМ НВ, 1991. 416 с.

Литература

7. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство–СПб., 2001. 438 с.
8. Еленевская М., Фиалкова Л. Русская улица в еврейской стране: Исследование фольклора эмигрантов 1990-х в Израиле: в 2 ч. / отв. ред. В.А. Тишков. Ч. I. М.: РАН, 2005. 356 с.
9. Копылова В. Дама с прозой в руках // Московский комсомолец. 2006. 8 июня.
10. Романичева Е.С., Горелкина А.В. «Возвращенное» сочинение: итоги проверки и «перспективы» оценивания // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 2. С. 78–86.
11. Фрисби Д. Разрушение города: Социальная теория, мегаполис и экспрессионизм // Логос. 2002. № 3–4. С. 252–284.

References

Istochniki

1. Meletinskij E.M. Isbr. st. Vospominaniya / отв. red. E.S. Novik. M.: RGGU, 1998. 576 s.
2. Neverov A.S. Tashkent — gorod xlebny'j // Neverov A.S. Tashkent — gorod xlebny'j. Gusi-lebedi: rasskasy', povesti, roman. M.: Pravda, 1989. S. 177–286.
3. Rubina D.I. Kamera naeszhaet!.. // Rubina D.I. Poslednij kaban is lesov Pontevedra: roman, povest'. SPb: Simposium, 2000. S. 219–316.
4. Rubina D.I. Na solnechnoj storone ulicy': roman. M.: E'ksmo, 2006. 432 s.
5. Rubina D.I. Chem by' zanyatsya? Sb. rasskasov. SPb.: Retro, 2002. 273 s.
6. Solzhenicin A.I. Rakovy'j korpus: povest' // Solzhenicin A.I. Maloe sobr. soch.: v 7 t. T. 4. M.: INKOM NB, 1991. 416 s.

Literatura

7. Bogdanov K.A. Povsednevnost' i mifologiya: Issledovaniya po semiotike fol'klornoj dejstvitel'nosti. SPb.: Iskusstvo–SPb, 2001. 438 s.
8. ELenevskaya M., Fialkova L. Russkaya ulicza v evrejskoj strane: Issledovanie fol'klora emigrantov 1990-x v Izraile: v 2 ch. / отв. red. V.A. Tishkov. Ch. I. M.: RAN, 2005. 356 s.

9. *Kopy'lova V.* Dama s prozoi v rukax // Moskovskij komsomolecz. 2006. 8 iyunya.
10. *Romanicheva E.S., Gorelkina A.V.* «Vozvrashhennoe» sochinenie: itogi proverki i «perspektivy» ocenivaniya // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 2. S. 78–86.
11. *Frisbi D.* Razrushenie goroda: Social'naya teoriya, megapolis i e'kspressionizm // Logos. 2002. № 3–4. S. 252–284.

E.F. Shafranskaya

Extracurricular Reading:

Novel «On the Sunny Side of the Street» by Dina Rubina

The article recommends the novel «On the Sunny Side of the Street» by Dina Rubina for extracurricular reading in Literature class in 10–11 grades of the secondary school. The emphasis is made on the title of the novel, the themes of talent, Babylon-like city and carnival culture.

Keywords: title; talent; city; carnival.